

А. А. Константиновский. «Был уверен, что стану художником...»

Автопортрет А. А. Константиновского

В 2020 году в первых номерах нашего журнала была напечатана (с небольшими сокращениями) повесть доктора геолого-минералогических наук А. А. Константиновского «Грозное и прекрасное». Эта история московской семьи, в 1941 году жившей в осаждённом городе, – часть личной летописи XX века, оставленной Александром Александровичем Константиновским. Он остро ощущал дыхание времени. Лейтмотивом его литературного творчества стали романтика полевой работы геолога, восхищение красотой природы тех мест, где довелось побывать – этой теме он посвятил серию рассказов «Далёкие голоса», которые иллюстрировал сам.

«В 1950 году окончил Московскую среднюю художественную школу, был уверен, что стану художником. Однако успешно сдав вступительные экзамены в Суриковский институт, не был принят. Вероятно, сработала анкета. Глухую стену больше пробивать не пытался. Окончил МГУ, стал геологом. Многие годы провёл в экспедициях, в основном по дальним "северам": Охотское море, Джугджур, Верхоянье, хребет Черского, Колыма, Тиман. Занимался геологической съёмкой, потом поисками месторождений алмазов и золота...»

Арест в 1937 году отца по 58 статье – «10 лет без права переписки» – в значительной степени определил и судьбу старшего сына: Александр Константиновский не стал профессиональным живописцем. Но совмещал глубокие научные исследования и художественное творчество.

К 90-летию со дня рождения писателя, художника, крупного специалиста в области металлогении, поисков и оценки месторождений золота и алмазов Александра Александровича Константиновского мы публикуем несколько репродукций его живописных и графических работ с цитатами из повести «Грозное и прекрасное» и рассказов цикла «Далёкие голоса».

В Москве 1940-х

«Все в молчании уселись за стол и призадумались в тёплом свете низко висящего абажура... Впереди была ещё долгая война: разгром немцев и наше долгожданное наступление под Москвой...» (из повести «Грозное и прекрасное»).

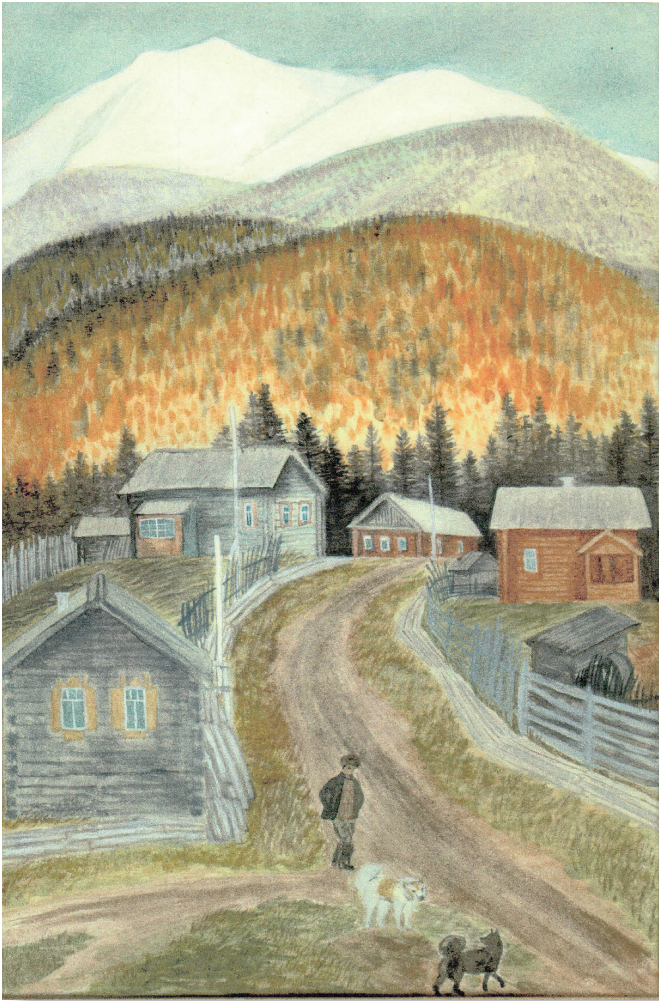
А. А. Константиновский с лайкой Цезарем

«В свою первую дальнюю экспедицию я попал, когда начал учиться в университете» (из рассказа «Горгочён»).

Село Соболиное на Шилке, 1957 г.

«Мы устроились на ночлег в добротном бревенчатом доме с крепким забором – заплотом по-сибирски. Цезарю отвели на ночь пустую собачью будку на широком подворье...» (из рассказа «Цезарь»).

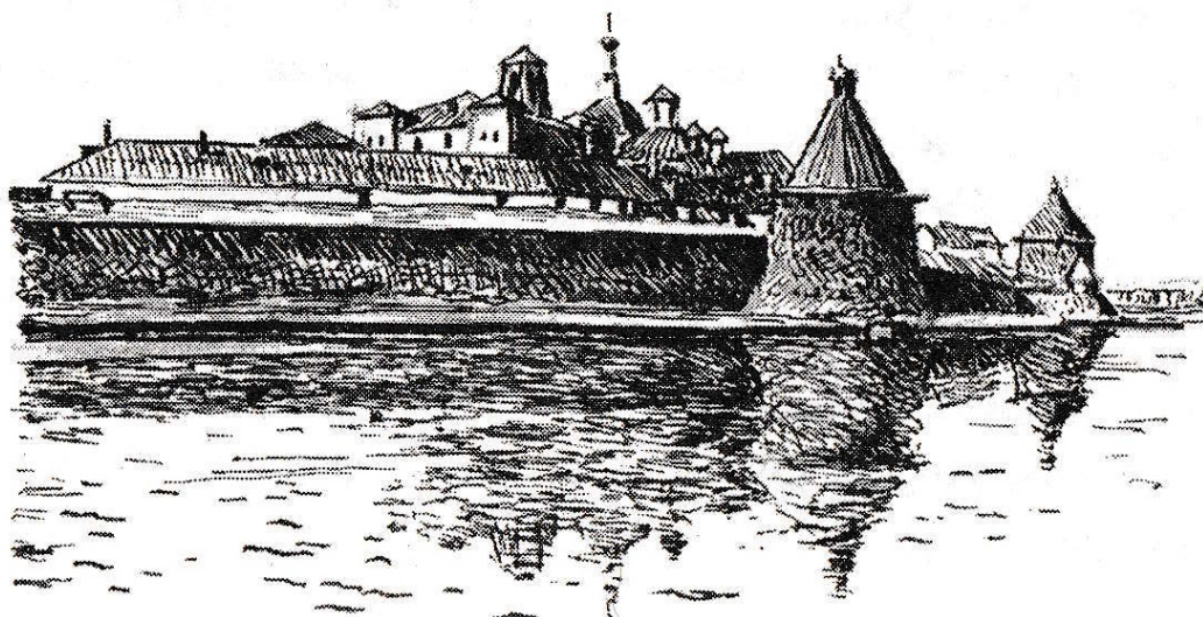
Осень

«Тот давний полевой сезон удалось завершить необычно рано – в начале сентября. Стояла чудная золотая осень. Помню, как охватывала безотчётная молодая радость от холодной голубизны неба, свежего ветра, жёлтых лиственниц, с которых дождём сыпалась хвоя. По утрам в лучах восходящего солнца искрился и переливался цветными огоньками густой иней на мхах, увядшем багульнике и хваченных морозцем покрасневших кустиках голубики. Они звучно хрустели под сапогами...» (из рассказа «Курун-Урях»).

Каюр

«...Стоило выйти из палатки, как тут же, откуда ни возьмись, из окружавшего редкого леса сбегались наши труженики-олени. Это ещё одна особенность осени: у них наступила острая тяга к солёному. Летом пугливые, сейчас они тесно обступали вышедшего человека, качали ветвистыми рогами, с которых начинала сдираться тонкая меховая шкурка, тарасили глаза, тянулись тёплыми мордами к рукам, прося соли, и беспрестанно облизывались» (из рассказа «Курун-Урях»).

Башни Соловецкого монастыря

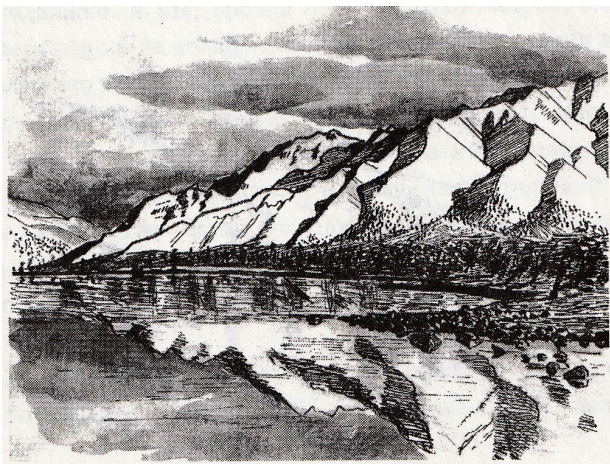
«...Я знал от мамы, что именно там начинал отец свой путь по тюрьмам и ссылкам. Моя геологическая судьба привела однажды на эти острова в Белом море, и я увидел северное чудо: суровые стены и сторожевые башни, сложенные из огромных валунов, отражающиеся призрачной белой ночью в спокойных водах Святого озера... Здесь долгое время располагался центральный концлагерь, входивший до конца двадцатых годов в систему СЛОН – Соловецких Лагерьей Особого Назначения. В 1939 году Соловки как места заключения прекратили существование. Лагерь и тюрьмы перевели на материк: ГУЛАГ разрастался...» (из повести «Подснежники»).

Без названия

Утро

«...После изнурительного крутого подъёма по тайге перед нами неожиданно открылась величественная картина ледникового цирка – гигантского каменистого амфитеатра, напоминающего своей правильной округлой формой какое-то древнейшее культовое сооружение. Казалось, в нём таилась некая загадка, невысказанный зашифрованный смысл. Тёмное озеро, застывшее на дне чаши цирка, находилось ниже нас. Вытекающий из него Унях глухо ревел на дне узкого каньона, прорезающего оглаженный льдом скалистый порог – ригель – на входе в цирк» (из рассказа «Озерко с серебряным дном»).

«Как-то на высоком хребте натолкнулись мы на свежие отвалы каменистого грунта. Это были следы разграбления медведем кладовых бурундука с кедровыми орехами. В отвалах к нашей великой радости оказались во множестве крупные куски ракушняка – породы, битком набитой тонкорестристыми древними морскими раковинами, члениками морских лилий и отпечатками кораллов. Мы набили ими полный рюкзак... В Южном Верхоянье это была первая находка окаменелой фауны превосходной сохранности – спасибо безвестному медведю! С её помощью удалось определить геологический возраст толщ, раньше считавшихся немymi...» (из рассказа «В края далёкие»).

Первый снег на хребте Джугджур. Сентябрь 1966 г.

«Мы выходили из района работ, переход за переходом продвигаясь с караваном оленей на юг, в сторону большой реки Маи вниз по её протокам. Шли старым зимником, проложенным в начале войны после открытия в бассейне Иоткана золотых россыпей...» (из рассказа «Курун-Урях»).

Весна

«В местном охотничьем хозяйстве нам посоветовали добраться пешком порядком до глухой деревеньки... Добирались мы по раскисшим весенним просёлкам почти целый день. До чего же хорошо было! С холма на холм, всё новые и новые горизонты, броды через разлившиеся ручьи, сверкающие на солнце, весёлые перелески, пение жаворонков в полях...» (из рассказа «Яичный горб»).

Вечер

«Наскоро выпив молока с вкусным хлебом, мы успели на тягу. Постояли в мелколесье на ближайшей опушке, посмотрели на закат, на постепенно тонущие в мягком сумраке два оставшихся от деревни дома, увидели, как замерцали первые звёзды. Нежное дуновение ветерка донесило запах жилья, временами слышались голоса и смех приветливых хозяев...» (из рассказа «Яичный горб»).

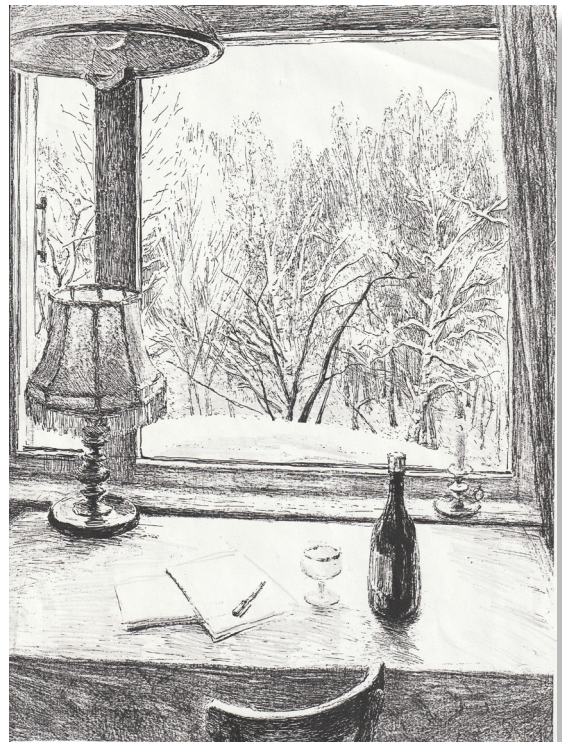

«...Грусть по весёлой беспечной молодости, ушедшим годам, суровым скитаниям, радостям первооткрывателя теперь, по прошествии многих лет, пришла к моему поколению. И я горжусь, что ходил по тем горам, разглядывал с вершин необъятные дали голубых хребтов, серебряные ленты горных речек в залесённых диких долинах и, опасаясь непогоды, следил за облаками, плывущими с холодного Охотского моря» (из рассказа «В края далёкие»).

«Со времени первого посещения пустынного Охотского побережья прошло много лет. Больше половины моей жизни. Но до сих пор, стоит прикрыть глаза – снова явственно вижу накатывающиеся длинные волны, слышу крики топорков и чаек в прибрежных утёсах, различаю лица и голоса людей, с которыми довелось там работать...» (из рассказа «На Охотском побережье»).

«Как хорошо бывает в тусклые декабрьские дни, когда зима ещё вся впереди, когда в палисаднике высокие сугробы, а переплетение древесных суков и ветвей за окном в пелене густого снегопада превращается в дремучее белое кружево. На столе листы чистой бумаги, в доме тихо. Через стекло доносится только короткий пересвист шустрых синиц на подоконнике...» (из предисловия к книге «Сверкающие снега»).

Редакция благодарна семье Александра Александровича Константиновского за помощь в подготовке публикации.